

М.Г. Вазанова¹, З.Н. Якушкина²¹Университет им. Я.А. Коменского, Братислава, Словакия;²Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары, Россия
(E-mail: zinaalevtinina@mail.ru)

Концепт «страх» в русской и чувашской языковой картине мира

В статье исследовано функционирование концепта «страх» в русской и чувашской языковой картине мира, представленное на примере изучения текста романа классика чувашской литературы М. Ильбека «Черный хлеб», а также русских паремий и фразеологизмов. Авторами дан обзор лингвистических и психологических работ по этой теме и представлена классификация языковых единиц по признаку наличия/отсутствия эмотивности. Сопоставительный анализ русской и чувашской концептосферы позволил сделать вывод о большей представленности в русском языке синонимов, актуализирующих семантические признаки эмоции страха, что говорит о более детальном членении русского внеязыкового континуума. Рассмотрены также невербальные индикаторы эмоций, имеющие соответствие в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, концептосфера, внеязыковой континуум, сема, актуализация семы, фразеологические единицы, паремиологический фонд языка, чувашская литература, роман Мигулая Ильбека «Черный хлеб», эмотивность.

Концепт «страх» как один из основных эмоциональных концептов не раз привлекал внимание отечественных и зарубежных лингвистов. Вместе с тем не проводился сопоставительный анализ культурных составляющих русской и чувашской лексики, репрезентирующих концепт «страх», не рассматривалось функционирование концепта «страх» в русской и чувашской лингвокультурах.

Смысловые составляющие концепта «страх» не одинаковы в разных лингвокультурах. Переводные тексты могут менять его понятийное содержание, поэтому мы обращаемся к тексту-оригиналу и его переводному варианту. Проследить содержание концепта «страх» в чувашской лингвокультуре мы сочли возможным при обращении к произведению чувашского писателя Мигулая Ильбека «Черный хлеб» [1].

Каждое слово имеет свойство накапливать и сохранять информацию об окружающем мире. Это знание выражает направленность общественного познания на разные стороны предмета, в разных условиях его существования и взаимодействия с другими предметами. Все эти познанные человеком признаки входят в значение слова в виде сем.

В речи актуализируются не все компоненты значения, а лишь те, которые необходимы в конкретной ситуации общения. Актуализация семы – это обусловленное выделение семы в структуре лексического значения, приводящее к восприятию акта речи как коммуникативно значимого. Наведение семы – это коммуникативное внесение семы в значение слова. Наводятся такие семы, которые отсутствуют в семном значении слова.

Актуализация и наведение семы во многом обусловлены контекстом, в котором слово оказывается. Контекст влияет на реализацию лексической единицы. Различные речевые контексты реализуют разные возможности семантики слова, актуализируя или модифицируя структуру его значения. В результате актуализации и наведения семы, происходящих под влиянием контекста, в значение слова могут наводиться различные семы.

На материале произведения Мигулая Ильбека «Черный хлеб» мы намерены выявить смысловые составляющие концепта «страх».

Психологи утверждают, что *страх* сопровождается как отрицательными (*ненависть, агрессия, боль*), так и положительными (*любовь, интерес, удивление*) эмоциями.

Примеры нашей выборки подтвердили лишь некоторые связи эмоции *страха* (*страх-ревность*), заявленные психологами, вместо этого в русском переводном варианте обнаружены примеры, отражающие связи *страха* с другими эмоциями и чувствами: *растерянностью, уважением, ненавистью, тоской, беспомощностью, стыдом, отвращением, удивлением*. Связь *страха* со *стыдом, уважением* обнаруживается в обеих лингвокультурах.

Связь *страха* с *отвращением* мы можем видеть уже в словарных дефинициях слов *ужас/сехёрленү* в качестве семантического признака: *что-то отталкивающее, вызывающее отвращение, хăвйтан тĕксе яракан, сивĕтекен, йĕрĕнтерекен*.

Очень часто *страх* связывается с *изумлением, удивлением*. Связь обозначенных эмоциональных компонентов обусловлена наличием таких семантических признаков в лексеме «удивление», как «странность», «необычность», «непонятность» [2]. *Страх* как эмоция появляется у героев при появлении не только опасности, но и чего-либо необъяснимого и странного: *Шерккей сасартăк каçăрăлса тăчĕ, куçне мăч-мач хупса илчĕ – Шеркей удивленно вздрогнул и заморгал.*

В связи с этим мы выделяем такие лексические единицы, объективирующие *страх*, как члены синонимического ряда слова-концепта, например: *бояться, боязнь, пугаться, испуг, страх, страшиться / хăра, хăрав, шик, шиклен, шикленкеле, шиклĕх, шиклĕн, шиклат, шиклентер*; единицы метафорического осмысления данного концепта, например: *сехре витти /волна ужаса, микроб страха*; устойчивые сравнения (*мулкач чĕри, тусан вĕстерсе чупма – бежать как заяц*), фразеологизмы, описывающие переживание страха или поведение в ситуации его переживания (*хăранăран ай-чик пăтранать, хўре антарать, схватило живот от страха, поджать хвост*), лексико-семантические средства, которые репрезентируют эмоциональный концепт *страх* через имена смежных/пограничных компонентов (*храбрость, трусость*), а также через описание поведения человека в ситуации переживания страха.

В результате сопоставления семантических признаков, составляющих концепт *страх/сехĕрленĕ*, можно обнаружить следующие различия в семантическом представлении страха для носителей русского и чувашского языков: существенным признаком для носителей русского языка является признак «душевное смятение», для носителей чувашского языка – «растерянность и душевное смятение». Для представителей обеих культур важным в переживании чувства с именем *страх/сехĕрленĕ* оказалось ожидание конкретной опасности. В обоих языках в значении каждого слова обнаружены семантические признаки «эмоциональное состояние/чувство», «реакция на опасность», «негативное/отрицательное», которые являются общими для русского и чувашского языков. В результате проведенного компонентного анализа номинантов концепта «страх/сехĕрленĕ» на материале лексикографических описаний обнаружены количественные и качественные несоответствия. Количественные различия заключаются в том, что синонимический ряд, представляющий эмоциональный концепт «страх» в русском языке, содержит такие слова, как *боязнь, жуть, испуг, кошмар, паника, страх, ужас*. В чувашском языке синонимический ряд слова *сехĕрленĕ* содержит слова *шик, хăрав, сехĕрленĕ, хăрушлăх, синкер (боязнь, испуг, паника, страх, ужас)*.

Качественные расхождения заключаются, в основном, в том, что в значении синонимов *страха/сехĕрленĕ* актуализируются семантические признаки *интенсивность, причинность, продолжительность переживания*.

Семантический признак *большое количество*, выступающий в качестве причины возникновения *страха*, именуемого *жуть* в русском языке, не реализуется ни в одном из значений чувашских номинантов концепта.

Максимальное совпадение семантических признаков русских и чувашских номинантов концепта «страх/сехĕрленĕ» наблюдается в 5 парах лексем: *боязнь — испуг — страх — ужас — паника — сехĕрленĕ*.

В значениях лексем *страх/сехĕрленĕ* актуализируются семантические признаки «неожиданность возникновения», «непродолжительность», «реакция на реальную пережитую опасность», «неинтенсивное чувство», «внешнее проявление», «трудноконтролируемое»: *Шерккей шарт сиксе илчĕ, ара, чайнах та, тĕлĕкре кăна пулчĕ пулас-ха? Вăл çавăнтах хай выртнă çĕрелле сикрĕ, пуç айĕнчи укçине тĕрĕслерĕ – унтах иккен, никам та илмен, тĕкĕнмен, кĕсьинчи те пур – Шеркей вскочил: в самом деле, сон ли это? Он тотчас метнулся к постели, проверил деньги в изголовье – на месте, никто не тронул, в кармане тоже есть.*

В сопоставляемых языках лексемы *ужас, страх, паника* могут обозначать объект внушения *страха*: *Она настоящий ужас, страхотище, а не человек; Тискер çын – Страшный человек, Пĕччен чух куçа-куçан тискер курсан, Селимен кана мар, ар çынсен те сехри хăпатъ – Если столкнешься с таким взглядом наедине, не только у Селиме, у мужиков душа в пятки уйдет.*

На основе анализа значений семантических составляющих концепта *страх/сехĕрленĕ* было обнаружено, что самым частотным в сопоставляемых языках являются семантические признаки «отражение», «неприглядный вид», что отражается в языках соответствующими единицами: *страховидный, страхолудный / хăрушуллă, тискер*.

При осмыслении эмоционального концепта «страх» русским языковым сознанием актуализируется сема *легко поддающийся страху: робкий, боязливый*. Существенными для чувашского языкового

сознания выступает признак эмоционального концепта *сехёрлену*, как «шок», зафиксированный в значениях фразеологических оборотов *сехре хӓпарт*, *сехре хӓпти*, *вирелле тачӓ*, *шарт сик*.

В результате проведенного анализа сочетаемости номинантов концепта «страх» на материале русскоязычной и чувашской художественной литературы выявлены наиболее часто эксплицирующиеся семантические признаки исследуемого концепта, среди которых релевантными для сопоставляемых языков являются: 1) продолжительность переживания страха, актуализирующаяся либо его кратковременностью (*внезапный испуг*, *шарт сик*), либо продолжительным характером (*вечный страх*, *сехре хӓпти*); 2) неожиданность, внезапность возникновения страха: *вбить в испуг*, *сӓсӓл вӓстер*.

В русском языке *страх* воспринимается как деятель: *страх связывает руки*, *прожигает насквозь*; описывается через актуализацию физиологических проявлений эмоций: *...побледнеть*, *почернеть*, *посинеть от страха*, *хрипеть от ужаса*. В чувашском языке: *хӓранӓран чӓлхе саврӓнмасть – от страха язык заплетается*, *чӓнме сасӓ тухмасть – голос осип*, *сан-сурӓм вӓриленсе – аж взмок*, *сивӓнсе кайрӓ – похолодел*, *шуралса кайрӓ – побледнел*. В русской культуре *страх* рассматривается как что-то, заполняющее субъект: *Страх наполнил его до краев*. В русском языке еще выделяются такие аспекты *страха*, как его расплывчатость, патологический характер, что актуализирует компонент *‘искренность’*: *неподдельный*, *форменный страх*.

Для более полного представления концепта «страх» мы обратились к лексическим средствам вторичной номинации. В их основе лежит какое-либо сравнение различных фрагментов действительности. Выявление ассоциаций, положенных в основу «переименования», позволяет раскрыть новые грани исследуемого компонента.

Так, исследования метафор, объективирующих страх, позволили выявить некоторые постоянные модели, которые являются значимыми для чувашского языка, представляя наиболее значимые для человека признаки *страха*.

Особенно значимые характеристики *страха* проявляются в следующих моделях:

СТРАХ – ЖАР – ОГОНЬ: *Шерккей хӓйне вӓри шывна сапӓ пек сиксе тӓчӓ, сӓтел хушишинчен тухрӓ – Шеркей, вскочив как оштаренный, вышел из-за стола; Ильяс сывлӓш савӓрса илчӓ. Тути чӓтрет хӓйӓн. Ахаль чухне ытла йӓваш курӓнакан Ильясан куш вут та хӓм сирпӓтме тытӓнчӓ – У Ильяса перехватило дыхание, губы задрожали. Обычно спокойный, сейчас он сверкает глазами. Кӓтмен сасӓ Шерккее шартах сиктерчӓ. Кушне курӓнми вут-сулӓм пӓтӓм сан-сурӓмне хеӓтсе яче тейӓн – вӓл пӓр сӓмах хушмасӓр тилхепине карт туртрӓ те, сул хӓрринче тӓракан тӓтрелле мӓлкене халь-халь таптаса лапчӓтас пек, лашине вирхӓнтерчӓ – Неожиданный звук заставил Шеркея вздрогнуть. Он ощутил жар в теле – молча дернул поводья и погнал лошадь, чуть не сбив мелькнувшую в тумане тень на обочине дороги; Вӓл ӓна ик аллипе чӓмӓртаса, тӓрлӓ май пӓхкаларӓ. Кушӓ вут-хӓм сапӓ пек сӓсе пусларӓ – Зажав в руках, он стал рассматривать это. Глаза его метали громы и молнии.*

СТРАХ – ОЦЕПЕНЕНИЕ: *Сав вӓхӓтра ӓна темле сасӓ илтӓннӓн туйӓнчӓ; вӓл пушне сӓклерӓ те сасартӓк яшт турленсе тӓчӓ: икӓ кашкар ун умне ситсе чарӓннӓ та пӓхса тӓрасӓсӓ – В это время ему послышался какой-то шум; он поднял голову и резко выпрямился: два волка стоят и смотрят на него.*

СТРАХ – УДИВЛЕНИЕ: *Тимрукӓн сехри хӓпрӓ: тӓрме тет-и, ристансене хупса усракан сурт пулчӓ-и вара ку? Тӓрме-и? Тӓрме тени хулара пулат-и? – Тимрук испугался: про тюрьму говорит, это что, дом для заключенных? Тюрьма? Раз тюрьма, значит, это город?; Чим-ха – тем асилес пек тертленчӓ вӓл, сӓмахӓсене сайран пустарса. – Эсӓ, леи... Чаткас Пиклайӓ пулмарӓн-и сак? – Погоди-ка, – как бы что-то вспомнив, сказал он, медленно подбирая слова. – Ты, это... Не Пиклай из Чаткасов?; Эс таврӓнтӓнам, таврӓнтӓнам? – сине-сине ыйтрӓ вӓл – Ты что вернулся, вернулся? – несколько раз переспросил он.*

В рамках модели ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ СТРАХА выделен возможный вариант, где страх воплощается в образе атакующего, активного субъекта: *«Уӓн чӓрине сехёрлену вьрнасрӓ» – В сердце у него поселился страх; «Сак шухӓш Тимрука хӓрата пусларӓ» – Эта мысль начала пугать Тимрука.*

В обоих языках образ страха базируется на представлениях, связанных с ХОЛОДОМ, что объясняется физической реакцией на переживание страха: отток крови от конечностей, замедление потока крови приводит к эффекту замерзания: *Шеркей испуганно отскочил, сердце похолодело от страшной догадки, Шеркей сразу догадался, куда она вела, и затрясся, будто его окатили холодной водой; «Вокруг, слава богу, безлюдно, но сердце все время екает, аж озноб по телу пробегает; Уӓн*

çамламас кёске пурнисем сивчёрпе аптранй чухнехи пек чётреве үкрёс, куçе ништа пайса чарйна пёлмесёр вылять, Шерккейён çан-çурймё шанса кутнё чухнехи пек чётренсе илчё, үт-тирё сүсенсе саралтарчё.

Расхождения в метафорическом осмыслении концепта *страх* русским и чувашским обыденным сознанием проявляются в том, что русской наивной логике свойственно воспринимать страх как нечистую силу, перед которой он оказывается слабым существом: *злой демон страха*.

Далее мы исследовали фразеологический и паремиологический фонд сопоставляемых языков с целью выявления семантических признаков, объективирующих концепт *страх*. В результате анализа было выявлено, что концепт *страх* и в основном объективируется описательными выражениями: *побелеть как полотно, белее снега; хут пек шурса кайма, шура юртан шурарах*; выражениями с использованием номинантов *страха/сехёрленю*: *обмереть от страха; вилсе каясла харать*.

Поскольку образное основание фразеологизмов признается квинтэссенцией культурной коннотации, связанной с мировидением народа, хранителем национальной специфики, отражением накопленного опыта (В.Н. Телия), то фразеологические средства объективации компонента представляют большой интерес для этимологов, изучающих фразосемантическое поле эмоций в разных культурах.

Из общего числа отобранных единиц обнаружены всего две пары полных лексических эквивалентов, где имеет место совпадение формальных и семантических признаков. Например: *бояться собственной тени – хайён ёмёлкинчен харать; со страхом и трепетом – чётресе харать*.

В основу метафорического переосмысления фразеологических единиц при переживании страха положены различные типы ассоциаций с животными:

- качества, свойства, повадки (*чалайш куç, мокрая курица (человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо)*);

- поведение (*хуре антарать, поджать хвост*).

В обоих языках зооморфизмами описывается трусливое поведение человека. И в русском, и в чувашском языках символом *трусости* считается заяц: *робок как заяц, бегать как заяц, мулкач пек харавса, мулкач чёри*.

Поскольку эмоция *страха* является отрицательной, то ее отражение во фразеологизмах чаще всего происходит посредством устойчивых оборотов с отрицательной оценкой. Устойчивые сочетания *закивать пятками, поджать хвост* описывают недостойное поведение человека. Поскольку *быть трусливым человеком*, как правило, *стыдно*, то проявление *трусости* может выражаться в фразеологизмах с ироничной стилистической окраской, таких как *мокрая курица*.

При фразеологизации *страха* через компонент «мужество, храбрость», в значении «способность побороть, преодолеть свой страх и совершить задуманное», употребляются выражения с положительной оценкой, поскольку мужественное поведение, «приручение» *страха* одобряется и приветствуется: *хайк та тумасть – ему хоть бы хны; куça майч та тумарё/тумасть, куça майч та тумасёр – даже глазом не моргнул*.

Количество фразеологизмов, в основе которых лежат фразеологические симптомы проявления одноименной эмоции, приблизительно совпадает. В обоих сопоставляемых языках фразеологизмы достаточно равномерно охватывают в качестве образа формирования значения фразеологизмов органы человеческого тела: *не сметьдохнуть, сердце оборвалось, душа ушла в пятки, душа болит, сердце падает, камень на сердце, сердце кровью обливается, сердце падает, сердце/душа не на месте, скребет на сердце, с тяжелым сердцем, с упавшим сердцем, ноги подкашиваются, волосы встали дыбом, язык за порогом оставить, язык заплетается, язык отнялся, язык прилип к гортани, язык проглотить; чёре лайштах мар, чун ура тёпне ситрё, чун ура тупанне анса каять, чун ыратать, чёре картах сикет, чёре суралса тухать, сүс-пуç вирелле тайчё, чёлхе сётрё, чёлхе сыхланать, чёлхерен юсрё, чёлхене сятса ярён*.

В обоих языках есть фразеологизмы, связанные с таким проявлением *страха*, как побледнение, причем цвет лица сравнивается с цветом смерти: *виле пек шура – побледнеть как смерть*, и дополняется более нейтральными сравнениями: *шура юртан шурарах – белее снега*; трудности речепорождения: *чёлхе сухатма – языка лишиться, чёлхе сыхланчё, чёлхе таканать – язык заплетается*.

Специфичным для сопоставляемых культур является объективизация *страха* через описание выражения глаз: *глаза на лоб полезли / лезут, глаза растарацить, куçне-пуçне чарса пайрахна*. В ситуации сильного испуга могут возникнуть проблемы со зрением: *невзвидеть свету, небо с овчинку кажется*. Русскому языку более свойственно описание непосредственного переживания страха,

его симптоматики и поведения в ситуации опасности, являющейся причиной возникновения эмоции (*побелеть как полотно, язык к гортани прилип, ножки как лучинки хрустнули*).

Общеизвестно, что в паремиях, наряду с общечеловеческим, выражается и специфичное для данной лингвокультурной общности, то, что принято называть «душой народа», поэтому на следующем этапе исследования мы обратимся к паремиологическому аспекту концепта *страх*.

В качестве критерия классификации паремий были выделены некие инвариантные значения (идеи), объединяющие некоторое множество пословичных единиц из русского и чувашского языков. В результате анализа были обнаружены паремические представления о *страхе*, имеющие различные предметно-образные наполнения. Выявлены следующие представления о *страхе*: «Пережив однажды ситуацию *страха*, человек начинает бояться всего, даже самого незначительного»: (*Пуганая ворона куста боится; Мулкач хай ёмёлкинчен хярать – Заяц своей тени боится*). *Страх* осмысливается через смерть: в русском сознании смерть является неизбежностью, которая рассматривается как переход на другой уровень существования, страх смерти – это естественное чувство человека (*Живой человек смерти боится*). Подобное восприятие смерти русским сознанием объясняется традиционно русским отношением к жизни: ко всему надо относиться по-доброму, даже к смерти, принимая ее. В чувашской культуре смерть воспринимается как неизбежность: *Этем икё ёмёр пурёнмасть – Не два же века жить*. В русском языке *страх* рассматривается в основном как нейтральный регулятор поступков людей: *На всяку беду страха не напасешься; Не стоит тратить свою жизнь на страх*.

Русская культура иронично относится к проявлению запоздавшей и неуместной храбрости: *Храбр после рати, как залез на полати; осуждает обманчивую внешнюю храбрость: Сердце соколье, а смелость воронья; Молодец среди овец, а против молодца и сам овца*.

Обе культуры поощряют и призывают к активному противостоянию страху с помощью действий: *Дело мастера боится; Глаза боятся, а руки делают; Куш хярать те, ал тавать*.

Анализ синтаксических структур паремий показал, что по сравнению с чувашским языком русский язык, отражая концепт «страх», категоричнее выражает предписание, назидание по поводу того, что надо делать в опасной ситуации или как преодолеть *страх*, достигается это с помощью императивных конструкций.

Поскольку в основе исследуемого концепта находится универсальное понятие эмоции, имеющее мимическое, жестовое, фонационно-просодическое воплощение, то исследование специфики языковой репрезентации невербальных маркеров *страха* является вкладом в сопоставительное исследование концепта в русской и чувашской лингвокультурах.

Невербальные компоненты проявления *страха* (мимика, жесты, просодика) обладают этнокультурной универсальностью, поскольку связаны с физиологической и физической стороной исследуемого феномена.

Невербальные индикаторы эмоции имеют двойственную природу плана выражения: с одной стороны, они существуют как непосредственно воспринимаемые проявления *страха*, а с другой – как их вербальное представление. При описании ситуации переживания *страха* описывается внутреннее состояние персонажа или внешние невербальные проявления *страха* (мимика, жесты, внешние психосоматические симптомы): *Кругом идет голова, путаются мысли, в глазах туман, в горле ком. Убежать бы, спрятаться. Сжал руками голову, застонал, задвигал острым языком; Ее (Селиме) побледневшие губы часто вздрагивали, правая щека дергалась, выбившиеся из-под платка перепутанные пряди темно-русых волос прилипли к влажному лбу, глаза смотрели тускло. Зрачки были сильно расширены – Селимен тутти чётрет, пит сёмарти хярах енчен кэрт-кэрт турткаланса илет, тутэрё айёнчен арпаиса тухнй сүсё пайёркаланса тэрать, кусё унён, ыванса ситнё чухнехи пек, сурма усё, хай вэл темён сухатнэ пек чыл-чал пэхкалать, тем шырать, тем саянать; Селиме разогнула спину, подняла голову – и сразу же понятилась. Прямо на нее бежали два волка. Вот тебе и телята! Девушка в ужасе прикрыла лицо руками, отчаянно закричала; Лицо Селиме перекошилось, губы задрожали, она снова заплакала; Шеркей нимён калама аптраса тэчё. Кусё тэксёмён карённй. Сурчакне хэвэрт-хэвэрт сётрё, сапах та пырё тейёнче темён анаймасёр, капланнэсемен капланчё, хай вэл кутён саврэнса ларчё – У Шеркея язык отнялся. Глаза заволокло от страха. Сглотнув слюну, почувствовал ком в горле, сел, повернувшись кругом*.

В художественных произведениях отражается обыденное представление о возможностях невербального представления *страха*, в них используются такие стилистические приемы, как метафора: *страх прожигает насквозь*; эпитеты: *липкий, тоскливый ужас, молочно-голубой от страха*; сравнение: *юр пек шуря, хут пек*); единицы лексико-фразеологического поля исследуемого компонента

(*сердце обрывается, кровь стынет в жилах; юн сивёнет, чёре сиксе тухать, чун ура тупанне ҫитет*), лексемы, в содержании которых реализованы семы: «дрожать» (*дрожать, трястись, содрогаться, лихорадка, чётреме, кисренме, сив чир; Шерккейён сасартык аялти тутти чётренсе илчэ – У Шеркея вдруг задрожала нижняя губа; Шерккей укҫине каларам пек турё. Чётреве үкнэ пурнисем итлесийён мар а́на, шутла-шутла пайтах тертленчэ в́ал. Ҷапла виҫ тенкэ те хёрёх пуса ҫитерсе сетел ҫине пётёмпе тенё пек сарса хучё*) – Шеркей сделал вид, что достаёт деньги. Дрожащие пальцы не слушались, он долго их пересчитывал. Отсчитав три рубля сорок копеек, разложил их на столе); «отсутствие цвета» (*бледный, бледнеть, побелеть; шуранка, шуралса кайма, шупкаланма*); «увеличение размера глаз» (*выпучить, вытаращить, растаращить; куҫ-пуҫ чарса п́ахрама, куҫ-пуҫ хуралать*) и др.

Общими для сопоставляемых лингвокультур с точки зрения реализации в художественной литературе оказываются следующие семантические признаки эмоционального концепта «страх/сёхёрлену»: «дрожание», «испарина», изменение цвета лица», в основе которых находятся одноименные физиологические симптомы: *Сайте тёпелтен васкавлан тухрё, сáнэ-ничё сасартык шурса кайрё у́ан – Сайте выскочила из комнаты, лицо ее внезапно побледнело.*

Среди мимических проявлений эмоций *страха* очень часто в чувашской художественной литературе актуализируется «язык глаз», маркер, который составляет основу семантического признака «увеличение размера глаз»: *Каньдюк испуганно вытаращил глаза, застыл; Глаза у Шеркея неестественно округлились, стали мутными, лицо покрылось темными пятнами; Тухтар ларнэ ҫёртен шартах сиксе т́а́чэ, патвар ҫынна куҫран витерсе п́а́хрэ – Доктор вскочил, взглянул сверлящим взглядом на смельчака, Каньтюкпа Алиме, куҫ чарса, а́лк патнелле утрёҫ – Каньдюк и Алиме, вытаращив глаза, попятнулись к двери; Ан калаҫ! – куҫ чарса п́а́хрэ Шерккей – Не может быть! – вытаращил глаза Шеркей.*

Таким образом, в сопоставляемых языках в значениях лексем, номинирующих концепт *страх/сехёрлену*, актуализируются много одинаковых семантических признаков, но в русской лингвокультуре синонимический ряд представлен шире. Количественное преобладание единиц, номинирующих в русской лингвокультуре, может свидетельствовать о более детальном членении внеязыкового континуума, где отдельные психологические характеристики эмоции *страха* получают в языке специальное имя.

Список литературы

- 1 Ильбек Н.Ф. Черный хлеб: роман / Н.Ф. Ильбек. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд.-во, 2004. — 480 с.
- 2 Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Н.В. Дорофеева. — Краснодар, 2002. — 214 с.

М.Г. Вазанова, З.Н. Якушкина

Әлемнің тілдік көрінісінде орыс және чуваш тіліндегі «қорқыныш» түсінігі

Мақалада чуваш әдебиетінің классигі М.Ильбектің «Қара нан» романының мәтінін, сондай-ақ орыс паремияларын мен фразеологиялық бірліктерін зерттеу мысалы ретінде алынып, орыс және чуваш тілдеріндегі «қорқыныш» түсінігінің қолданысы зерттелген. Авторлар осы тақырып бойынша лингвистикалық және эмоцияның болуы/болмауы негізінде тілдік бірліктерді жіктеуді ұсынған. Орыс және чуваш концепті саласының салыстырмалы талдауы қорқыныш сезімінің семантикалық белгілерін растайтын синонимдердің орыс тіліндегі ауқымды түсінігі туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді және бұл орыс тілсырты континуумының неғұрлым егжей-тегжейлі бөлінуін білдіреді. Сондай-ақ мақалада салыстырылатын тілдерде сәйкестіктері бар эмотивтердің ауызша емес көрсеткіштері де қарастырылды.

Кілт сөздер: әлемнің тілдік көрінісі, тұжырым, концепт саласы, тілсырты континуумы, мағына, мағынаның өзектіленуі, фразеологиялық бірліктер және тілдің паремиологиялық қоры, чуваш әдебиеті, М.Ильбектің «Қара нан» романы, эмотивтену.

M.G. Vazanova, Z.N. Yakushkina

Concept «fear» in the Russian and Chuvash language picture of the world

This paper discusses the functioning of the concept of «fear» in the Russian and Chuvash languages. It is presented on the basis of a study of the novel «Black bread», written by the classic Chuvash literature novelist M. Ilbek, as well as the Russian paremias and phraseological units. The authors give an overview of linguistic and psychological works on this topic and present a classification of linguistic units on the basis of the presence of the emotivity in these units. Comparative analysis of the Russian and Chuvash concept sphere made it possible to conclude that the synonyms, which actualize the semantic signs of the emotion of fear, are more representative in the Russian language, that they give a more detailed division of the Russian extralinguistic continuum. The article also considers the non-verbal indicators of emotions that have correspondences in the languages being compared.

Keywords: language picture of the world, concept, concept sphere, the extralinguistic continuum, component, actualization of the component, phraseological and paremiological units, Chuvash literature, Migulai Ilbek's novel «Black bread», emotivity.

References

- 1 Il'bek, N.F. (2004). *Chernyi khleb [The black bread]*. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatelstvo [in Russian].
- 2 Dorofeeva, N.V. (2004). Udivlenie kak emotsionalnyi kontsept (na materiale russkoho i anhliiskoho yazykov) [Surprise as an emotional concept (based on the material of Russian and English languages)]. *Candidate's thesis*. Krasnodar [in Russian].